

**Исследовательская работа по восстановлению боевого пути деда
Филипповой (Щеголевой) Любви Геннадьевны, секретаря МОУ СОШ № 48 г. Твери**

Боевой путь пулеметчика.

Строчит пулемётчик,
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих

**Мой дед (по отцовской линии)
ЩЕГОЛЕВ Василий Арсентьевич,**

пулеметчик 1318 сп 163 СД,
участник Демянской наступательной операции войск
Северо-Западного фронта по окружению и
уничтожению группировки немецко-фашистских войск
проведенная с 7 января по 20 мая 1942 года.

Родился в 1916 г. Калининская обл., Бобровский с/с,
дер. Слободиха.

До призыва с семьей женой Щеголевой
Татьяной Николаевной и тремя детьми (Лизой,
Геней, Валея) проживал в Бологовском районе,
откуда и был призван осенью 1941 г.
Бологовским РВК Ленинградской обл. (согласно
архивным документам, хотя Бологовский район вошёл в состав
Калининской области в 1935 г.)

В сентябре 1941 г. находился в армейском 195 запасном стрелковом полку,
недалеко от пос. Гузятино Бологовского района с направлением на г. Валдай.

В сентябре 1941 г. фашистские войска успешно продвинулись вглубь
нашей Родины, наступая по трем основным направлениям: группа армий
«Север» - на Ленинград, группа армий «Центр» - на Москву и группа армий
«Юг» - на Киев и Донбасс. Гитлер уже в июне определил время завершения
«победоносного похода на Восток» и намеревался захватить Москву сразу после
падения Ленинграда.

В начале октября 1941 г. красноармеец ЩЕГОЛЕВ Василий Арсентьевич
переброшен в 1318 стрелковый полк 8 роту 2 взвода в составе 163 стрелковой
дивизии 34-й Армии Северо-Западного фронта и находился на фронте в
старорусском направлении.

Во время Великой Отечественной войны в этом районе проходили
ожесточенные и кровопролитные бои: начиная с осени 1941-го.

Мало кому знакомо название Демянск, с которым исторически связаны такие понятия, как Демянский котел, Демянский воздушный мост и Демянская наступательная операция и когда Демянск был оставлен нашими войсками во время контрудара под Старой Руссой, в течение 14 месяцев немецко-фашистской оккупации вплоть до зимы 1942-го и заканчивая весной 1943 г.

В военных архивах бои по освобождению этой территории известны под названиями 1-я и 2-я Демянские наступательные операции.

Зима в 1941 г. установилась рано. Уже в первых числах ноября земля покрылась тонким слоем снега. Ночью и по утрам было холодно. Днем по-осеннему пригревало. Из письма деда от 5 ноября 1941 г. стало ясно, что его полк находился на передовой:

«спешу вам сообщить о том, что нахожусь на фронте на передовой, от нас немцы метров 60 или 80, нахожусь жив и здоров и нахожусь на северо-западном направлении», а дальше по письму проходит черная полоса-метка военной цензуры, тут как раз становится понятно, поскольку время было военное, бывали случаи, бойцы случайно могли описать место своего положения, количество войск или планы дальнейших маневров. Такая информация тщательно зарисовывалась черной краской, чтобы никто не мог ее прочесть, да и письма могли попадать в руки к врагу. Видимо письмо писал в небольшой передышке:

«писать некогда, нахожусь в окопах под пулями и минометным артиллерийским огнем немцев, пока я нахожусь, жив и здоров»

Фронту была поставлена задача: окружить и уничтожить немецкую группировку войск в районе посёлка Демянск между озёрами Ильмень и Селигер.

Основная роль в окружении отводилась 34-й армии в состав которой входил 1318-й стрелковый полк моего деда.

Из письма семье от 7 декабря 1941 г.: *«нахожусь на фронте на передовой около 2-х месяцев и участвовал в боях с немцами и при выполнении боевых заданий командования я действовал мужественно и смело»*

Войска Северо-Западного фронта с 25 декабря 1941 г. начали перегруппировку и развертывание для предстоящего наступления. Противник в это время оставался в прежней группировке.

Сильные морозы, снегопады, перебои в снабжении горюче-смазочными материалами, недостаток автотранспорта — все это затрудняло и замедляло сосредоточение войск. На переброску каждой дивизии требовалось пять-шесть суток вместо запланированных одних.

Из письма деда от 29.12.41 г.: *«Еще вам я сообщаю о том Таня, и папа, и мама вы обо мне не беспокойтесь я пока жив и здоров. Одет и обут я очень тепло. Так что живу хорошо ожидаю лучше»*

Все бойцы и офицеры были одеты тепло: зимнее нательное белье, ватные брюки и куртки-стеганки, шинели, большинство в овчинных полушубках, в шапках-ушанках, валенках и теплых рукавицах. Кроме того, были розданы плашки с сухим спиртом для обогрева рук. Автоматическое оружие было подготовлено для стрельбы при низкой температуре. Так же были одеты и лыжники, и танкисты, и артиллеристы

Рассказ о событиях конца 1941 г. хотелось бы продолжить отрывком из воспоминаний рядового эсэсовца: *«После Рождества температура постоянно снижалась. Сильный ветер нес кристаллики льда, и с открытыми глазами ходить было невозможно. Нам противостоял настоящий противник – зимняя ударная группа, хорошо обученная, вооруженная, стойкая и жесткая, как сталинская гвардия. Ее солдаты атаковали днем и ночью на лыжах, неприметные в своих маскировочных халатах. Советы своевременно позаботились о своих солдатах. Валенки, ватные штаны и телогрейки, меховые рукавицы и шапки, лыжи и сани были их стандартным оснащением. Оружие их тоже хорошо стреляло на морозе. А мы без зимнего обмундирования лежали в наших ледяных пещерах.*

...Серая полевая форма на белом снегу делала нас великолепной мишенью для противника. С горечью мы признавали неспособность руководства»

Гитлер был уверен, что восточная кампания будет победоносно закончена до наступления холодов. Но реальность оказалась иной. Германские войска к зиме оказались не готовы. Вот что вспоминает немецкий хирург, находившийся в районе Старой Руссы: *«Кто-то беспокоится о семье, оставленной на родине, другие думают о наших ребятах на передовой, которым приходится ночь за ночью выдерживать ледяной холод и северный ветер. Одна мысль об этом подвергает нас в отчаяние, мы же знаем, что они по-прежнему одеты в свои уже износившиеся летние вещи. Что, по всей видимости, наше командование считало войну с Россией лишь прогулкой, которая закончится не позднее осени. Многие не рассчитывали воевать зимой. Поэтому они не успели своевременно подготовить армию к русским морозам. Именно это приводит нас в страшное бешенство. Кажется, там, наверху, не знают или игнорируют тот факт, что у человеческого организма есть свои пределы возможностей.*

А наши солдаты выполняют свой долг безропотно и ожесточенно. Сидят в снежных окопах, одетые в свои скудные обноски. День и ночь следят за каждым движением на вражеской стороне, в то время как их конечности медленно отмерзают. Они питаются ледяными продуктами, черствым хлебом, который не раскусить. Хлеб приходится раскалывать на кусочки и согреть их в кармане. Многие не переносят замороженных продуктов, повреждая себе слизистую желудка. Зимних проблем становится все больше. Отмороженные конечности отмирают, а банальные ранения приводят к смерти в результате замерзания.

Когда незащищенная ладонь соприкасается с холодным металлом – с карабином, пулеметом, артиллерийской пушкой, – она моментально примерзает, а если ее оторвать, на металле останутся куски кожи. Стало невозможно пользоваться оружием или носить гранаты без перчаток. Но наши шерстяные перчатки никуда не годятся – уже через несколько дней ткань рассыпается. Солдаты на передовой не могут помыться, привести себя в порядок. Они жутко истощены – мы видим это по раненым с их торчащими ребрами... Мы предчувствуем, что эти жертвы будут напрасны»

А вот, что вспоминает немецкий офицер, находившийся на передовой:
«...Провидение послало нас на эту войну, когда грело солнце. Однако и старые, опытные офицеры генерального штаба не позаботилось о том, чтобы приготовить зимнее обмундирование для миллионов немецких солдат. Они намерены были взять Москву осенью и покончить с коммунизмом, но они не приняли во внимание коммунистов. Вера в непогрешимость верховного руководства сменилась беспокойством и мрачными предчувствиями, но немецкие солдаты сражались и мерзли на льду и в снегу, потому что этого требовала от нас железная дисциплина. Они сражались, не имея зимнего обмундирования, они погибали и замерзали, многие с невысказанным вопросом на устах: почему?»

Самая низкая температура в районе Валдая, о которой сообщалось в бюллетене артиллерийского метеорологического поста была пятьдесят шесть градусов ниже нуля. Вороны мертвыми падали на землю»

...О настоящих теплых блиндажах немцам оставалось только мечтать. Дело в том, что бои приходилось зачастую вести в болотистой местности, где в основном росли чахлые деревца, которых хватало только на дрова. В итоге древесину, более-менее пригодную для строительства, приходилось транспортировать из тыла, расположенного далеко от передовой. Но даже этот вариант не исправлял ситуацию, так как остро ощущалась нехватка транспорта. Самые огромные трудности для противника, находившегося на передовой, – фактическое отсутствие зимней униформы.

При суровых русских морозах оказались совершенно непригодными средства, которые должны были защищать от холода горючее и смазку. Затворы винтовок просто-напросто примерзали, оружие отказывалось стрелять. В самом затруднительном положении оказались танковые и моторизированные подразделения. Чтобы завести мотор грузовика или бронетранспортера, его приходилось долго прогревать. Лошади сотнями умирали от голода, холода и изнеможения. Если изнуренная лошадь падала на землю, буквально за несколько минут ее полностью заносило снегом...

На земле всегда был отдушиной солдатский смех, царским подарком – табак, лучшим другом – лес и великим счастьем – еда. Лес давал возможность соорудить блиндаж, разжечь костер, настелить дорогу. Из письма деда: *«...я получил подарок на фронте. Получил кيسет и на нем вышивкой написано «Привет героям Родины», и там было положено носовой платок, воротничковая ошьмушка, махорки 5 пачек и 5 штук конфет и 3 конверта с бумагой. До свидания. Целую я вас тысячу раз»*

163-й стрелковая дивизия деда держала оборону в районе Демянска до января 1942 г.

Замыслы Верховной Ставки по разгрому немецко-фашистских войск на северо-западном направлении зимой 1942 г. *«Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку»*.

...Наша задача не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны... Когда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов...»

Целью общего наступления был разгром противника на всех фронтах. Главный удар планировалось нанести по группе армий «Центр». Ее разгром предполагалось осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска.

Наступление войск Северо-Западного фронта началось на правом крыле 7 января, а на левом крыле 9 января 1942 года.

Январская наступательная операция Северо-Западного фронта проводилась в чрезвычайно сложных погодных условиях: по занесенным глубоким снегом дорогам и при тридцатиградусном морозе. Для обеспечения внезапности наступления войскам разрешалось двигаться только ночью, а днём - лишь в плохую погоду

Первая демьянская операция войск Северо-Западного фронта продолжалась с 7 января по 20 мая 1942 г.

Из последнего письма семье от 13. 01.42 г.: *«Таня и папа, и мама я пока имею автомат жена Таня и папа и мама мои можете гордиться, что я представлен к правительственной награде и в настоящее время мне доверили командовать отделением и первый номер пулеметчика, и уничтожаю врагов на каждом шагу и если буду жив, то приеду награжденный. Таня пишете я очень рад, даже не могу забыть получение письма. Пишите сразу, ответ буду ждать нетерпением. Пока больше писать нечего. Остаюсь жив и здоров чего и вам желаю. До свидания заочное свидание. Целую сотни раз, но не вижу вас. Пишите ответ. До свидания. 13 января 42 г. Известный ваш муж В. Щеголев»*

Из фронтового дневника эсэсовца: *«18 января 1942 года, мороз подбирается к 50 градусам. Эта русская зима беспощадна. Пулеметы теперь стоят не на позициях, а в иглу. И из-за сильного мороза их выносят только тогда, когда противник действительно атакует, то есть тогда, когда иваны в своих белых масках уже стоят у дверей.*

Все наше внимание приковано к автоматическому оружию. Если оно откажет, то при девятикратном численном превосходстве противника дело наше будет безнадежно, и нас порежут как скотину. Часовых меняем каждые полчаса. Лишь столько времени человек может выдержать в нашем негодном обмундировании на таком морозе. Если есть возможность достать вторую шинель, то мы носим две. Снимаем их с убитых товарищей, пока они еще теплые. Но трупы на морозе коченеют так быстро, что не всегда удается раздобыть эту спасительную одежду. Многие преодолели себя и носили ватные куртки и валенки, снятые с убитых красноармейцев. Носить прекрасные русские меховые шапки, защищающие уши, было запрещено. А поверх ватной куртки надо было обязательно носить немецкую шинель.

20 января потеплело. Было всего 30 градусов мороза. Это обстоятельство использовали для того, чтобы вывезти на трофейном грузовике убитых в тыл, где саперы оттаяли и с помощью взрывчатки отрыли братскую могилу, в которой и погребли окоченевшие трупы.

Последовали три ночи, когда мороз опускался до минус шестидесяти градусов. Термометр находился на артиллерийской позиции неподалеку от нас. Когда на батарее как-то открыли заградительный огонь, снаряд разорвался в стволе первого выстрелившего орудия, при этом погиб почти весь расчет. Из-за этого было решено во время сильных морозов отказаться от артиллерийской поддержки.

Противник перерезал все наши коммуникации. Его лучшие вооруженные силы от озера Ильмень прошли по долине реки Ловать с целью объединиться со своими войсками, воюющими по ту сторону Ловати, и замкнуть котел под Демянском. Русские атаковали и перемалывали нас со всех сторон. В первую ночь февраля мы осторожно отошли с дороги Старая Русса — Холм и перешли в находившиеся на западном берегу Ловати Череницы. Этот марш мы проделали по снежной пустыне с большим трудом, забрав с собой всех раненых и автомобили. Нам пришлось обходить населенные пункты и тащить машины мимо них буквально на себе, пока не удавалось снова выйти на проезжую дорогу. На последнем участке пути нам пришлось пробиваться к защитникам Черениц, которые нас дружески приветствовали. Теперь мы соединились с главными силами, находившимися в котле, и смогли передать раненых на главный перевязочный пункт.

8 февраля русские далеко позади нас перерезали дорогу, которую удавалось до сих пор оборонять. Это была последняя связь с внешним миром. Котел оказался закрытым. Продолжалась в буквальном смысле слова убийственная зима. Среди нас все больше было убитых, раненых и обмороженных. Защитников в кольце оставалось все меньше. Противник постоянно атаковал. Это была просто бойня»

Возникновение «котла» заставило советское командование изменить стратегические планы действий в северо-западном направлении. Советское командование, зная о подготовке немцев к проведению деблокирующей военной операции, стремилось быстрее разгромить окруженные фашистские войска, но все попытки Северо-Западного фронта успеха не имели и заканчивались большими потерями личного состава. Многие стрелковые дивизии и бригады понесли настолько тяжелые потери, что без усиления их пополнением практически были не способны не только наступать, но и обороняться. К примеру, в трех стрелковых полках 163-й стрелковой дивизии насчитывалось 115, 284 и 344 человека, а в другой стрелковой дивизии той же 34-ой армии численность полков составляла 195, 248 и 353 человека.

В целом, подводя итог январских боев, командование Северо-Западного фронта отмечало, что «фронтная наступательная операция, имевшая целью к концу января 1942 г. разгром 16-й армии и нанесение поражения левому флангу 9-й армии немцев, в полном объеме не была выполнена.

Представляют интерес воспоминания немецкого очевидца, пролетавшего над этим районом осенью 1941 г.: *«Машина низко летит над бескрайними лесами, скользит над болотами, над руслами рек и заболоченными лужицами, поросшими камышом. ... То здесь, то там через узкие реки переброшены небольшие мостки – единственный след человека в этом необъятном, девственном лесу. Домов совсем не видно.*

Великолепие бескрайних просторов, одиночество над русскими лесами захватывают дух. Если летчик совершит здесь вынужденную посадку, он сгинет навеки. Из этой безграничной болотистой местности выбраться невозможно».

Автор этих строк летел на самолете, а три советских дивизии пробивались к Старой Руссе зимой, в начале января, при крепчайшем морозе. Войскам фронта предстояло наступать в исключительно тяжелых условиях лесисто-болотистой местности, холодной и снежной зимой. Вот, что говорил об этом в своих воспоминаниях командующий СЗ фронтом П.А. Курочкин: *«Тот, кто бывал в тех местах, знает эти бескрайние, величественные леса, бесконечные топи и болота, огромные озера, деревни, разбросанные и затерянные в дремучих чащах. Очень мало дорог и вообще направлений, пригодных для действия больших масс войск. Фронт снабжался по Ленинградскому шоссе и единственной железнодорожной магистрали Ярославль – Рыбинск – Бологое, на которой сидели еще и Калининский фронт, и войска левого крыла Волховского фронта. Перегруженная сверх всяких норм, эта дорога подвергалась систематическим ударам вражеской авиации и часто выходила из строя. Остальные дороги, ведущие к войскам, – грунтовые. Распутица при оттепели делала их непроходимыми.*

Подвоз то и дело нарушался. Зима выдалась суровой, снежной. Метели настолько заносили немногочисленные пути, что войскам, двигавшимся вперед, приходилось с великим трудом прокладывать траншеи в огромных снежных напластованиях. Днем их расчищали, а ночью снова все заносило. По автомобильным дорогам машины двигались не быстрее 10–15 километров в час... Положение с боеприпасами, продовольствием и особенно горючим оставляло желать много лучшего. На складах армий автобензина не имелось почти совсем, а в баках машин его оставалось в среднем меньше ползаправки... Нужно было побывать там, в памятную зиму 1942-го, чтобы в полной мере оценить все многочисленные трудности, возникавшие на каждом шагу»

Значение пулеметов для пехоты трудно переоценить. Даже один вовремя вступивший в дело пулемет мог остановить вражескую атаку или заставить наших бойцов залечь на поле перед внезапно ожившим дзотом. В наставлениях того времени писали: *«станковый пулемет в открытом бою недоступен для пехоты противника, пока есть патроны и жив хотя бы один пулеметчик».*

О любом историческом периоде жизни человечества не мало написано книг, статей, создано кинофильмов, собрано архивных документов. И могут ли чьи-либо новые воспоминания существенно изменить общепринятое восприятие прошедшего времени или значительно повлиять на результаты исследований историков? Пожалуй, что и нет...

Но, перефразируя суворовскую мысль *«Война не закончена, пока не захоронен последний погибший солдат»*, можно сказать, что *«История войны пишется, пока есть, что к её описанию добавить».* В таком случае не обойтись без знания того, что персонально пережили современники тех или иных событий. Участниками войны были не только погибшие и оставшиеся в живых солдаты, но и другие пострадавшие от неё: труженики тыла, наши соотечественники, не по своей воле оказавшиеся на оккупированной врагом территории, и узники концлагерей... Естественно, любой человек, живший во время войны, является

носителем бесценной информации о событиях, произошедших в то время. И назовём таких людей ветеранами.

Из воспоминаний участника ВОВ, ветерана Гольшева М.А.: *«Я встречался с десятком ветеранов, воевавшими рядовыми пулеметчиками станкового пулемета «Максим». Все говорят в один голос, что эта фронтовая специальность, была проклятой, самой опасной, но ими лично любимой, и что в пехоте пулеметчики были самые уважаемые бойцы. У всех у них, один «стандарт в биографии» - максимум - год на передовой, и, как минимум, три ранения за это период, не считая контузий, сменилось несколько расчетов, и все они считают, что сам факт, что они уцелели на войне, относится к разряду невероятных случаев»*

Из воспоминаний ветерана Шойхета А.Е., участника ВОВ: *«Хлеб пулеметчика на войне очень тяжелый и горький. В расчете всегда только два человека, никогда у нас не было подносчиков патронов. Вес пулемета почти семьдесят килограмм, с собой берешь две-три коробки с пулеметными лентами, большую флягу с водой для козуха, да на тебе еще свой вещмешок, саперная лопатка, автомат ППШ, гранаты, а иногда и пистолет трофейный на ремне, и со всем этим тяжелым «хозяйством», ты должен быстро передвигаться в бою под немецким убийственным огнем, и после каждой выпущенной длинной очереди или расстрелянной полной ленты, если, конечно, хочешь остаться в живых, надо было немедленно менять позицию. Ты, пулеметчик, первый кандидат на тот свет. За тобой, за пулеметчиком, всегда идет охота, ты как «трофейный приз» или «любимое лакомое блюдо» для немецких снайперов, артиллеристов, минометчиков и расчетов МГ. Подавить пулеметную точку, всегда считалось делом доблести и чести, и для нас, и для немцев, и, наверное, «зачетной галочкой» для получения награды. Стреляющий, «живой» пулемет противника, это всегда как пощечина, как «заноза в теле», которую надо выдернуть первым делом. Стоишь в обороне, дал одну очередь, и если тебя засекли, то через минуту вокруг тебя настоящий ад, светопреставление, сыпятся мины, земля ходит под ногами от разрывов снарядов. Но ты не можешь без приказа уйти на запасную позицию, даже если она есть. Или такая страшная, жуткая напасть, как танковая атака. Идет немецкий танк на тебя, и ты знаешь, что обязательно будет давить расчет. Через стрелков в траншее пройдет не останавливаясь, оставит их за кормой, «на закуску» своей пехоте, а действующий пулемет своим вниманием никогда не обойдет. Поэтому, каждый опытный расчет всегда таскал с собой противотанковые гранаты. Или, например, только мы заняли оборону, окопались, но тебе не дадут отдохнуть и поспать, твой расчет всегда выдвинут в боевое охранение, поближе к врагу, чтобы в случае чего, встретить немца достойно еще на подступах. Немцы наступают, и на тебя все бойцы роты смотрят с надеждой, ты должен своим огнем всех выручить, и не допустить врага к нашим окопам. Артиллеристы и минометчики наши сзади, далеко, и на них взгляды твоих товарищей-бойцов не устремлены, смотрят только на тебя, мол, дай им, товарищ сержант, этим немцам, хорошо прикурить. Умелого, опытного пулеметчика всегда уважают в батальоне, и старшина лишних сто грамм организует, и повар тебя не забудет, потому что ты главная огневая мощь стрелковой роты, и даже когда все побегут, у тебя такого права нет, ты обязан прикрыть отход, да и куда ты без пулемета денешься, я же вам уже сказал: бросил «Максим» в окопе при отступлении, «гремишь» под трибунал». На одной из мемуарных страниц воспоминаний ветерана - пулеметчика написано: *«Для немцев, минометчиков и артиллеристов, подавить нашу пулеметную точку - было первостепенной задачей. Ведешь огонь, рядом три-четыре мины разорвалось, и ты уже знаешь - следующая твоя. Успел позицию поменять - хорошо, не успел – «погиб в боях за социалистическую Родину». Пулеметчика убить и для немецких снайперов главное дело. Сколько раз, прямо через прорезь щитка, снайпера убивали первого номера расчета...»**

Стрелковая рота в атаку идет, мы обязаны быть в первой линии, поддерживать огнем. Только поднимешься, покатишь пулемет на катке, сразу, обязательно кого-то из расчета убьет или

ранит. Ползти с пулеметом крайне тяжело. Вес «Максима» 65 кг, особо не потаскаешь. Его тяжесть мы проклинали на пеших переходах, идешь по 40 километров за ночь, своего добра столько, что спину гнет - (винтовка, подсумки с патронами, шинельная скатка, противогазная сумка, вещмешок, другой скарб, коробка с пулеметной лентой, большая фляга с водой для «Максима»...), да еще ствол пулемета, весом 28 кг на плечо положишь... Коробка с лентой, тоже тянула на 10 кг веса, на себе больше трех коробок не носили. В ленте 250 патронов, хватало ее на полминуты непрерывной стрельбы»

Война начинается с окопа, с передовой, где основная тяжесть боевых действий легла на плечи пехоты - на плечи простого солдата, того, кто в мирной жизни был тружеником, созидателем, в лихую годину становился воином, защитником. Вот кто главный герой на войне. Вот кто главный творец Победы.

Из книги О.С. Смыслова «Окопная правда войны»: *«Но война – это не только кровавое месиво. Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходила вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль»*

Есть еда – хорошо, нет – терпеть надо. Стужа, холод, жара, зной – надо выдерживать...

Нам в грязь приходилось деревья валить,
Тащить по грязи волокуши.
Тогда ещё бог не успел отделить
Как следует воду от суши.
Мы жили в промерзших сырых погребах,
В сырые шинели одеты.
Курили сырой филичевый табак
И ели сырые галеты.
Ни вешки какой, ни столба со звездой
Нельзя водрузить на могиле,
В траншеях, заполненной ржавой водой
Мы мертвых своих хоронили.
Три дня самолета с продуктами нет,
Покрепче ремень засупоньте.
Мы знаем теперь, где кончается свет –
На Северо-Западном фронте...

Михаил Матусовский,
поэт – фронтовик о старорусской земле
из книги «Южнее озера Ильмень», 1974

Жизнь пехотинца в бою висит на тоненькой ниточке, которую легко может оборвать немецкая пуля или небольшой осколок. Это нелегко – подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они подымались! Солдат не успевает совершить ничего героического, а смерть наступает его. Об этом говорят страшные цифры ее потерь. Из стрелковых рот с передовой вернулись одиночки, их никто не знает. Та земля, которая всегда была под ногами, была и домом, и постелью. Зимой и летом все одно: по ней ходили, на ней воевали и в нее ложились. Умирала солдаты: восемнадцатилетние,

тридцатилетние, сорокалетние. И еще моложе, и еще старше... Для них война была самой жуткой, самой реальной во всей своей «красе», самой кровавой и самой короткой.

Это были нечеловеческие испытания. Кровавые, снежные поля были усеяны телами убитых, куски разбросанного человеческого мяса, алые обрывки шинелей, отчаянные крики и стоны солдат. Многие тысячи и тысячи наших солдат навечно остались на тех безымянных рубежах. Они – окопники стрелковых рот, перед смертью жестоко мерзли, леденели и застывали в снежных полях на ветру. Они шли на смерть с открытыми глазами, зная об этом, ожидая смерть каждую секунду, каждое мгновение, и эти маленькие отрезки времени тянулись, как долгие часы. Одни умирали мгновенно, другие – в муках истекали кровью. Только некоторым из сотен и тысяч бойцов случай оставил жизнь. Как шутили в пехоте: для пехотинца первый бой – это или наркомзем (могила), или наркомздрав (лазарет).

Выносить с передовой раненых имел право только санинструктор или санитар, легкораненые выбирались из-под огня сами. На роту полагается один санинструктор и один санитар, а раненых сотни, бывает, и больше. Есть еще полковая санитарная рота. И все равно санитаров всегда не хватает, особенно тяжелораненые, вынуждены долго ждать помощи и, потеряв много крови, умирают, так и не дождавшись ее или по дороге в медсанбат.

Грохот боя заглушают отчаянные крики раненых; санитары, рискуя собой, мечутся между стеной шквального огня и жуткими этими криками, – пытаюсь спасти, стаскивают искалеченных, окровавленных в ближайšie воронки. Покидать боевой порядок запрещалось, даже если ранили кого-нибудь из твоих друзей. Всякая попытка сопровождения раненых в тыл расценивалась как прямое уклонение от боя.

Общая площадь «Демянского котла» составляла около трех тысяч квадратных километров

Впервые за много месяцев наступления немецкие части столкнулись не только с героизмом поведения русских наступающих солдат, но и достаточно умелыми действиями их командиров.

Судя по дневниковым записям немцев, солдаты окруженных дивизий предпочитали отвлекаться от ужасной действительности, разговаривая о возвращении обратно в Германию, о своих семьях, о том, как их наконец-то будут хорошо снабжать провиантом.

Два месяца все попытки противника вырваться из «котла» терпели фиаско. Но и войска Северо-Западного фронта, не имея опыта и достаточных сил,

скованные особенностями местности и климатическими условиями, не могли ликвидировать оказавшуюся в окружении немецкую группировку..

После январского 42-го года наступления Северо-Западный фронт в течение года в районе Демянска вёл изнурительные «бои местного значения» с окруженной армией противника. Бои местного значения – эта скупая формулировка, часто повторявшаяся в сводках Совинформбюро, означала «переполненные госпитали, человеческие страдания, оборванные войной жизни». Никто на фронте, в первую очередь на передовой, не застрахован от ранения, от госпитальной койки.

В годы Великой Отечественной войны, во время оккупации близлежащих к железной дороге населённых пунктов, практически в каждой деревне Валдайского района находились госпитали. Тех, кому медицинская помощь не помогала, хоронили, где приходилось.

С 1941 г. по 1943 г. в деревне Дворец располагался 701-й хирургический военно-полевой госпиталь (по архивным документам значится ППГ 701 (полевой-передвижной госпиталь)), куда ежедневно прибывали раненые.

«ПОХОРОНКА» - это название до сих пор остается у многих на слуху. В годы войны миллионы семей получали подобные извещения, да еще и не раз, когда на войну уходили братья и сестры, отцы и матери, мужья и жены. Практически каждую советскую семью затронула эта ужасная трагедия времен второй мировой войны. Не обошла стороной похоронка и мою бабушку Щеголеву Татьяну Николаевну, жену красноармейца Щеголева Василия Арсентьевича 1916 г.р., где было извещено, что умер от ран 31.01.1942 г.

По архивным данным [ОБД Мемориал](#) именного списка умерших от ран в период боевых действий с 30.01. по 05.02.1942 г. Щеголев В.А., пулеметчик 1318 сп 163 СД умер от осколочных ран 30.01.1942 г. и похоронен севернее деревни Дворцы, Валдайского района, Ленинградской области.

Рядом с поселением находится воинское кладбище и братская могила, где похоронены погибшие и умершие от ран советские воины. На братском кладбище установлен обелиск и на одной из памятных плит увековечено имя – «кр-ц ЩЕГОЛЕВ В.А.»

В живых пехотинцев - окопников остались редкие одиночки. Судьба им даровала жизнь, как высшую награду. С фронта пришли многие, а вот из пехоты, из этих самых стрелковых рот, почти никто не вернулся.

163-я стрелковая дивизия моего деда в январе 1942 г. перешла в наступление в ходе Демянской операции, затем, после окружения города вела бои под Демянском вплоть до оставления города вражескими войсками в марте 1943 г.

В годы Великой Отечественной войны войска Северо-Западного фронта в течение двух с половиной лет вели ожесточённые бои с фашистскими захватчиками на новгородском направлении. Однако в сводках Совинформбюро те события скупо комментировались словами: «На Северо-Западном фронте без перемен. Идут бои местного значения».

Сражается насмерть в лесах и болотах
Израненный Северо-Западный фронт,
В атаку идут поредевшие роты,
Но солнце, как Знамя Победы, встает.

А. Булавкин

Долгая и тяжёлая борьба советских войск под Демянском закончилась. Выполнив поставленные перед Северо-Западным фронтом задачи 19 ноября 1943 г. фронт был расформирован, а его войска переданы в состав других фронтов. Северо-Западный первым в истории Великой Отечественной войны в сентябре 41-го года остановил наступление врага. И с тех пор гитлеровцы не смогли сделать на Валдайских высотах ни шага вперед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если попытаться разобраться, чьей победой или поражением был Демянск – Красной армии или Вермахта, то становится видно, что ситуация была патовой. Красная армия долгое время не могла сначала ликвидировать «Демянский котел», а затем «Демянский мешок». С другой стороны, немецкая армия так и не смогла развить наступление на данном направлении. Если взглянуть на потери обеих сторон, то Красная армия, например, потеряла непозволительно большое количество танков, как указывает историография, более тысячи. Германия же понесла потери в виде значительной части своего воздушно–транспортного флота, а это несколько сотен Ю-52, которых не хватило для наведения «воздушного моста» в Сталинград.

Исходя из этого, сравнение Демянска с репетицией Сталинграда не будет просто красивой метафорой. Именно благодаря Демянску был приобретен бесценный практический опыт окружения немецких частей. А вполне успешный, для Демянской группировки, «воздушный мост» обернулся для армии Паулюса поражением, поскольку значительная часть транспортных самолетов оказалась утраченной в боях южнее озера Ильмень.

«Демянский котёл» стал известен также благодаря мемуарной и художественной литературе. Чуть позже, в начале суровой весны 1942 г., где-то здесь, в лесах под Демянском, в глубоком тылу врага, упадёт, подбитый в воздушном бою, самолёт старшего лейтенанта Алексея Маресьева. Оставшийся в живых, тяжело раненый, он будет идти к линии фронта тридцать с лишним

километров, с трудом переставляя раздавленные при падении самолёта ноги и, уже обессиленный, ползти по глубокому снегу. Восемнадцать суток, без еды и огня, в глухом лесу, с отмороженными в лютую стужу разбитыми ногами, с тремя патронами в пистолете он будет выбираться к своим. И доберётся, чуть живой, и выживет, и без ног вернётся в истребительную авиацию, снова будет летать, и сбивать фашистов. Дальнейшая судьба пилота, упавшего в лес в тылу врага, его 18-суточная отчаянная схватка со смертью раскрыты Борисом Полевым в книге «Повесть о настоящем человеке», которая стала учебником мужества для многих поколений.

Войска Северо-Западного помогали героической обороне Ленинграда, участвовали в общем наступлении под Москвой, притягивали на себя значительные силы и не допускали их переброски на другие, наиболее важные направления.

Фронтной корреспондент Борис Бялик о воинах Северо-Западного фронта: *«О вас писали меньше, чем о других. Вас реже и скуpee награждали. Вам не был посвящен почти ни один торжественный приказ Верховного Главнокомандующего. Ведь вы долгое время не брали городов. Вы ничего не брали. Вы только немного отходили по болотам и немного наступали опять. Но оттого, что вы отходили немного, и оттого, что вы опять наступали, на других фронтах могли брать города. А как дорого стоило вам каждое такое немного. Слава солдатам Болотного фронта!»*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поразительная вещь - время, как начинаешь по-другому воспринимать его, когда годы прибавляются. Жизненный бег ускоряется, события мелькают, то, что раньше казалась не столь важным, вдруг оказывается очень значимым. Это касается и героических страниц нашей истории. В советском прошлом героями Великой Отечественной войны для нас были люди свершившие подвиг. Теперь через призму прошедших лет, сам факт причастности к тем событиям, кажется подвигом. Люди уходили на фронт, готовые отдать жизнь за свою Родину.

Великая Отечественная война оставила след в памяти каждого человека. Не вернулись в свои дома и в свои семьи, к любимым двадцать семь миллионов наших соотечественников, оставшихся на полях сражений. Одни, отмеченные наградами, как геройски павшие, другие – не только без наград, но и канувшие в безвестность. Не прошла война и мимо нашей семьи.

Как не пытались расспрашивать в семье о войне – все было напрасно. Эта война оставила глубочайший след в жизни каждой семьи, не хотели вспоминать время войны. Моя бабушка все разговоры на эту тему она быстро сворачивала и заканчивала всегда одной фразой: «Главное, что бы больше никогда не было войны». Мне, тогда еще совсем ребенку, сама возможность, что война может

повториться, казалась совершенно невероятной. Годы показали, что мир очень хрупок, и как важно его сохранить.

Афганистан, Чечня, терроризм это уже не кажется таким далеким, это реалии которые вторгаются в нашу жизнь. Очень хочется донести нашим потомкам все то, что в свое время мы узнали от наших бабушек и дедушек, рассказать о великом подвиге нашего народа.

Немногие знают историю своего фамильного рода и то, через какие трудные испытания прошли отцы и деды. Поэтому мы не знали, где и как воевал наш герой. И только когда стали доступны документа ЦАМО, с развитием Интернета появилось больше возможностей воссоздать и сохранить историю боевого пути одного из многих, приблизивших ПОБЕДУ красноармейца 1318 стрелкового полка 8 роты 2 взвода в составе 163 стрелковой дивизии 34-й Армии Северо-Западного фронта пулеметчика ЩЕГОЛЕВА Василия Арсентьевича.

С каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны становится все меньше, и скоро наши дети смогут узнать о подвиге поколения наших дедушек и бабушек только из наших рассказов и уроков истории. Не секрет, что современная молодёжь, даже успевшая пожить при советской власти, не имеет должного понятия о событиях Великой Отечественной войны и воспринимает её как нечто далёкое и, порой, малопонятное. Пока она, молодёжь, повзрослеет, созреет и поймёт ценность живых свидетельств, свидетельствовать о той войне уже будет некому. Поэтому и была проведена эта исследовательская работа под девизом «Память хранима связью поколений».

Гибель родных и близких в годы Великой Отечественной войны – это трагическая, кровавая и страшная, но в то же время история, которую своей кровью и жизнями на полях сражений писали мужеством, самоотверженностью, бесстрашием коммунисты, комсомольцы, беспартийные, герои, которых мы чтим.

Всё дальше от нас Великая Отечественная война, решившая судьбу человечества, всё меньше участников этих страшных событий. Помнить о них - наша святая обязанность!

От поколения к поколению

Как известно, война не закончена, пока не похоронен последний солдат. Это очень актуально для новгородской земли – многие её защитники всё ещё не обрели своего последнего покоя. Груда металла, борта полуторок, резина и множество предметов военного снаряжения до сих пор разбросаны по лесам и в воде, в местах отступлений, переправ и кровопролитных сражений. Мы, живущие в стране, победившей фашизм, до сих пор не похоронили с почестями своего последнего солдата, потому что и в XXI веке не знаем точное число погибших. Мы до сих пор не наградили всех тех, кто кровью и потом заслужил свои медали и ордена в годы войны, потому что не всех еще разыскали.

В годы Великой Отечественной войны на территории современной Новгородской области с 1941 по 1944 год действовали Северо-Западный и Волховский фронты. Суммарная оценка потерь этих фронтов убитыми и пропавшими без вести составляет около 800–850 тысяч солдат и офицеров. А по данным Новгородского областного военного комиссариата, на воинских захоронениях области покоятся останки лишь 415.543 павших защитников Отечества.

